

А.В.Гилев, А.В.Семенов, И.К.Шевцова
«ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ»
И ИХ «ВОДИТЕЛИ»:
ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ
НА МЕСТНОМ УРОВНЕ¹

Ключевые слова: локальная политика, политические машины, выборы, субнациональная политика

¹ Статья выполнена в рамках Программы развития партнерских центров при поддержке Европейского университета в Санкт-Петербурге. Авторы признательны Владимиру Гельману и Полу Гуду за комментарии и советы.

² Гельман 2003; Туровский 2015.

³ Федеральный закон 2014.

⁴ Рапов 2010.

⁵ Golosov, Gushchina, Kononenko 2016.

⁶ Чирикова, Ледаев 2015; Минаева 2016.

⁷ Buckley et al. 2014.

⁸ Число 2015.

Будучи самым близким к населению уровнем управления, муниципалитеты предоставляют гражданам большую часть общественных благ и услуг. В течение последнего десятилетия, несмотря на конституционное разделение местного самоуправления и государственной власти, в России было предпринято несколько попыток сделать муниципальный уровень более подконтрольным и по возможности включить муниципалитеты в исполнительную вертикаль². Так, в 2014 г. в ходе последнего витка муниципальной реформы выбор модели формирования местного самоуправления был отдан на откуп региональным властям, что повлекло за собой резкое сужение поля прямых выборов глав муниципалитетов³.

Предполагая в качестве главного своего результата повышение управляемости элит на местах, строительство «вертикали власти» было призвано придать действующему политическому порядку большую устойчивость. Однако степень состязательности политики на локальном уровне существенно различалась⁴. Как показывает исследование Григория Голосова, Кристины Гушиной и Павла Кононенко, столицы регионов по-разному реагировали на процесс «вертикализации»⁵. В значительной части муниципалитетов сохранялось разнообразие властных конфигураций, в которых далеко не всегда доминировали назначенные руководители⁶. При этом отказ от прямых выборов не привел к значимым изменениям в корпусе глав муниципалитетов. Более того, сменяемость назначаемых сити-менеджеров оказалась выше, чем у напрямую избираемых градоначальников⁷.

Согласно Росстату, в России насчитывается около 23 тыс. муниципалитетов⁸. Столь обширная эмпирическая база открывает перед исследователями широкие возможности для изучения того, в какой мере реформирование местного самоуправления повысило его управляемость. В настоящей статье мы сосредоточились на электоральном аспекте этой проблемы, воспользовавшись объяснительным потенциалом концепции «политической машины». Насколько встроенные во «властную вертикаль» элиты способны обеспечивать необходимые для федерального центра итоги выборов? И влияет ли на такую способность

специфика профессиональной траектории представителей этих элит, их опыт работы в исполнительных структурах, законодательных органах и бизнесе?

В поисках ответа на эти вопросы мы опирались на составленную нами базу данных, включающую в себя биографии лиц, возглавлявших муниципалитеты в Удмуртии, Пермском крае и Челябинской области в 2000—2016 гг. В сочетании с электоральными результатами «партии власти» и социально-экономическими показателями эти данные позволяют оценить связь между эффективностью локальных «политических машин» и характеристиками их «водителей».

Постановка проблемы

⁹ Stone 1996: 446.

¹⁰ Stokes 2005.

¹¹ Hicken 2011;
Скотт 2016;
Эйзенштадт,
Ронигер 2016.

¹² Следует оговориться, что на практике эффективность «политических машин» может варьировать. В этом смысле мы можем вести речь о сильных и слабых «политических машинах», в большей или меньшей степени соответствующих идеальному типу.

¹³ Stokes 2005.

¹⁴ Скотт 2016.

¹⁵ Ауверо 2001; Diaz-Cayeros, Magaloni, Weingast 2003; Stokes 2005; Nichter 2008.

¹⁶ Stokes 2005.

¹⁷ Roberson 2008;
Hicken, Simmons 2008.

¹⁸ Golosov 2013; Frye, Reuter, Szakonyi 2014;
Хейл 2016.

¹⁹ Хейл 2016.

²⁰ Hale 2005.

«Политические машины», то есть «организации, способные приносить голоса с механической регулярностью»⁹, являются неотъемлемой составляющей политического процесса во многих режимах¹⁰. Задача «политической машины» заключается в том, чтобы конвертировать предоставляемые избирателям блага в голоса, осуществляя клиентелистский обмен¹¹. Метафора машины акцентирует идеальную слаженность производимого обмена и контроль над избирателями со стороны локальных посредников-«брокеров»¹². Именно разветвленная сеть «брокеров» позволяет «политическим машинам» преодолевать тайну голосования и поддерживать «обратную подотчетность» (*perverse accountability*) голосующих¹³. В качестве образцовых «политических машин» принято рассматривать клиенты боссов в американских городах на рубеже XIX—XX вв.¹⁴, а также Хустисиалистскую партию в Аргентине и Институционально-революционную партию в Мексике, обладающие сетью представителей на местах и значительными организационными ресурсами для контроля над голосованием¹⁵.

Как правило, деятельность «политических машин» рассчитана в первую очередь на малообеспеченные слои населения, низкий уровень жизни которых вкупе с невысокой мобильностью делают их особенно податливыми по отношению к манипуляциям¹⁶. В обмен на «правильное голосование» людям предлагается дополнительный или более широкий доступ к государственным и муниципальным услугам, в том числе через соответствующее распределение муниципальных программ¹⁷. В российских регионах в число групп, на которые ориентирована «машинная» политика, входят бюджетники, рабочие крупных предприятий, а также пенсионеры¹⁸. По оценке Генри Хейла, высокая доля лиц пенсионного возраста является одним из важнейших факторов, способствующих успеху подобной политики¹⁹.

В 1990-е — первой половине 2000-х годов политические партии в российских регионах проигрывали «политическим машинам» в конкуренции за кандидатов, поскольку обладали заметно меньшими экономическими и политическими ресурсами²⁰. Именно региональные и локальные «политические машины» и составили основу формировавшейся

²¹ *Голосов 2008; Golosov 2013; Reuter 2013.*

«партии власти»²¹. С середины 2000-х годов, когда на глав исполнительной власти регионов возложили ответственность за итоги голосования на выборах разного уровня, в поддержании «политических машин», в том числе и на локальном уровне, оказались заинтересованы прежде всего губернаторы²².

²² *Reuter, Robertson 2012.*

²³ *Matsuzato 2001. См. также Голосов 2006. С. 172—177.*

Как показал Кимитака Мацузато на примере Татарстана, эффективному контролю региона над локальными «политическими машинами» способствует назначаемость муниципальных руководителей²³. В то же время в тех случаях, когда в одном или нескольких крупных региональных центрах есть сильный мэр, контролирующей локальную «политическую машину», прямые мэрские выборы нередко сохраняются. Согласно гипотезе Джона Рейтера и его соавторов, подобное положение дел объясняется стремлением региональных властей, кооптировав сильных мэров (и тем самым обретя над ними опосредованный политический контроль), воспользоваться их ресурсами по мобилизации электората²⁴.

²⁴ *Reuter et al. 2016.*

Таким образом, исследователями «политических машин» в России уже зафиксированы некоторые закономерности, касающиеся отношений электората и «брокеров», а также выстраивания «политической машины» от федерального уровня к региональному и от региональному — к локальному. В меньшей степени изучено функционирование локальных «политических машин». В ходе административных реформ регионы de facto расширили свой контроль над рекрутированием муниципальных руководителей, в функции которых входит и управление местными «политическими машинами». Однако остается неясным, какими чертами должен обладать глава муниципалитета, чтобы успешно выполнять данную функцию.

Теоретически возможны два противоположных подхода к рекрутированию муниципальных руководителей. С одной стороны, логично предположить, что эффективное функционирование «политической машины» в состоянии обеспечить прежде всего тот, кто укоренен в местной административной элите и, соответственно, знает все характерные для нее формальные и неформальные практики. Так, например, известно, что укорененность губернатора в региональной элите помогает повысить электоральные показатели «Единой России» и избранный губернатор, опирающийся на местную элиту, справляется с этой задачей лучше, чем назначенный губернатор-варяг²⁵. С другой стороны, не менее логичным выглядит предположение, что повышению эффективности «политической машины» будет способствовать кооптация сильных групп, формально не представленных во власти, но обладающих собственными клиентелами, и, следовательно, пост руководителя целесообразно отдать выходцу из этой среды. Таким образом, мы можем сформулировать две альтернативные гипотезы.

²⁵ *См. Reuter 2013; Sharafutdinova 2013.*

Гипотеза 1. Привлечение на руководящий пост в муниципалитете представителей правящей элиты будет способствовать большей подконтрольности и в конечном счете большей эффективности

«политической машины», то есть улучшению электоральных результатов «Единой России» в этом муниципалитете.

Гипотеза 2. Привлечение на руководящий пост в муниципалитете выходца из местных элит, не представленных во власти, будет способствовать большей управляемости и в конечном счете большей эффективности «политической машины», то есть улучшению электоральных результатов «Единой России» в этом муниципалитете.

Происхождение руководителя муниципалитета не единственный фактор, который может повлиять исход выборов; существуют другие объяснения мощи «политических машин». Во-первых, на эффективность «политической машины» может влиять численность населения муниципалитета: при меньшем числе избирателей проводить мониторинг голосования значительно проще²⁶. Во-вторых, на итог выборов может влиять экономическая зависимость территории: более зависимые от поступлений из регионального бюджета муниципалитеты будут стараться обеспечить «партии власти» лучший результат²⁷. Опора на такие поступления может также означать дополнительные финансовые возможности для осуществления патронажа²⁸. В-третьих, нельзя обойти вниманием феномен «этнического голосования», когда территории, где проживают этнические меньшинства, демонстрируют большую поддержку «партии власти» — либо ввиду своей большей уязвимости, либо благодаря мобилизационному потенциалу этнических элитных сетей, либо вследствие сочетания обоих факторов²⁹. В связи с этим можно выдвинуть три контрольные гипотезы.

Гипотеза 3. Результаты «Единой России» будут выше в муниципалитетах с меньшей численностью населения.

Гипотеза 4. Результаты «Единой России» будут выше в муниципалитетах, более зависимых от поступлений из регионального бюджета.

Гипотеза 5. Результаты «Единой России» будут выше в муниципалитетах, в составе населения которых в большей степени представлены этнические меньшинства.

Но прежде чем приступать к тестированию этих гипотез, необходимо вкратце описать методологию нашего исследования и операционализировать переменные.

Метод и переменные

Метод. Статистические вычисления произведены методом порядковой логистической регрессии. Единицей наблюдения выступают муниципалитеты регионального подчинения (то есть муниципальные районы и городские округа) Удмуртии, Пермского края и Челябинской области. Поскольку влияние на выборы региональной специфики уже достаточно хорошо изучено³⁰, мы фокусируемся на факторах муниципального уровня. Всего в базу данных входят 120 муниципалитетов (по 105 из них доступны все интересующие нас показатели), что обеспечивает вариацию по размеру, экономическому профилю, этническому составу, циклам смены руководства.

²⁶ См., напр. Medina, Stokes 2007; Gervasoni 2010.

²⁷ См., напр. Bader, Ham 2015.

²⁸ Gervasoni 2010; Sharafutdinova 2013.

²⁹ Об этническом факторе успеха «политических машин» см. Хейл 2016; Bader, Ham 2015; Goodnow, Moser, Smith 2014.

³⁰ См., напр. Panov 2010, Reuter 2013, Щербак, Сенников, Лисовский 2013, Goodnow, Moser, Smith 2014; Bader, Ham 2015; Хейл 2016.

Независимые переменные. При анализе процессов рекрутирования руководителей муниципалитетов использовано несколько вариантов измерения. Прежде всего мы операционализируем переменную ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Если перед назначением (избранием) глава муниципалитета работал в исполнительной власти, переменная получает значение 1, если в законодательной — 2, если не работал во властных структурах — 3. К категории выходцев из исполнительной власти мы относим лиц, ранее занимавших посты в муниципальной администрации (руководители структурных подразделений и департаментов) либо возглавлявших напрямую подчиненные ей муниципальные предприятия; к категории выходцев из законодательной власти — бывших руководителей муниципальных советов, их заместителей, а также депутатов местных советов. Что касается категории «аутсайдеров», то в нее входят преимущественно представители бизнеса, главным образом топ-менеджеры предприятий.

Далее мы вычисляем длительность пребывания руководителя на своем посту (переменная СРОК), а затем рассчитываем, сколько лет с 2006 г. он работал в органах законодательной и исполнительной власти (переменная ВЛАСТЬ10) и сколько из них пришлось на структуры исполнительной власти (переменная ИСП10). Сведения о карьерных траекториях руководителей почерпнуты с их официальных страниц на порталах муниципальных администраций, из местных СМИ, а также из официальных данных ЦИК РФ.

Зависимая переменная. Электоральная эффективность руководителей измеряется на основе данных о результатах голосования в их муниципалитетах за список «Единой России» на парламентских выборах 2016 г. (ДУМА2016), приводимых на сайте ЦИК РФ³¹. (Применительно к Магнитогорску, Перми и Челябинску, разделенным на несколько избирательных округов, предварительно был подсчитан общий итог.) Поскольку зависимая переменная оказалась распределена ненормальным образом, мы переводим ее в порядковую, где 1 — 30–40% голосов, поданных за «Единую Россию», 2 — 40–50%, 3 — 50–60%, 4 — 60% и выше.

³¹ Выборы 2016.

Контрольные переменные. Контроль влияния размера муниципалитета осуществляется с помощью данных Росстата о численности населения³². Для статистического анализа используются логарифмированные показатели. При выявлении роли фискальной независимости мы опираемся на показатель Росстата «Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов бюджета муниципального образования (без учета субвенций) в 2015» (НАЛОГИ), а при оценке потенциального влияния этнического фактора — на конвенциональный показатель доли русского населения (РУС). В случае Челябинской области и Пермского края этот показатель вычисляется на основе данных Всероссийской переписи населения 2010 г., а в случае Удмуртии, применительно к которой

³² База 2016.

данных по муниципалитетам за 2010 г. нам найти не удалось, — на основе данных Всероссийской переписи 2002 г.

Чтобы проконтролировать региональную специфику, мы задействуем также dummy-переменную РЕГИОН. Кроме того, для проверки возможной обратной связи между переменными мы обращаемся к итогам выборов 2011 г. для тех же муниципалитетов.

Описательная статистика по используемым в исследовании переменным представлена в *табл. 1*.

Таблица 1 Описательная статистика по независимым и зависимым переменным

<i>Переменная</i>	<i>Число наблюдений</i>	<i>Среднее</i>	<i>Стандартное отклонение</i>	<i>Минимум</i>	<i>Максимум</i>
Население муниципалитета	120	63718	155660	6706	1191994
Длительность пребывания на посту главы муниципалитета	119	4,2	3,5	0	20
Длительность работы в исполнительной власти (2006—2016)	113	6,2	3,6	0	10
Длительность работы в исполнительных и законодательных органах власти (2006—2016)	113	7,7	3,0	0	10
Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (%)	113	37,5	18,7	8	100
Доля русского населения (%)	120	71,1	23,9	7,3	96,3
Результаты голосования за «Единую Россию» (2011)	119	48,7	9,3	29,2	79,8
Результаты голосования за «Единую Россию» (2016)	119	47,9	9,0	31,8	72,9

Обсуждение результатов

Результаты анализа, представленные в *Приложении 1*, дают основания утверждать, что под руководством выходцев из исполнительной власти «политические машины» работают успешнее. В муниципалитетах, возглавляемых выходцами из исполнительной власти (ПРОИСХОЖДЕНИЕ-1), электоральные показатели «Единой России» значимо выше, чем в муниципалитетах, возглавляемых выходцами из законодательной власти (ПРОИСХОЖДЕНИЕ-2) или «аутсайдерами» (ПРОИСХОЖДЕНИЕ-3). Можно было бы предположить, что решающий вклад в успех руководителей первой категории вносит опыт работы в исполнительных структурах, тем более что влияние переменной ИСП10 на переменную ДУМА2016 стабильно положительно, хотя и не на

статистически значимом уровне, однако при обращении к ситуации в отдельных регионах эта гипотеза не подтверждается. Если в Удмуртии действительно прослеживается явная связь между сроком пребывания руководителя в исполнительной власти (с 2006 г.) и электоральным результатом «партии власти» (см. *рис. 1*), то в Челябинской области такой связи не обнаруживается (см. *рис. 2*), а в Пермском крае она носит скорее U-образный характер — лучших результатов добиваются как «новички», так и самые опытные (см. *рис. 3*). Следует обратить внимание на то, насколько существенны в данном случае региональные различия:

Рисунок 1 Влияние опыта работы в исполнительной власти на результаты голосования за список «Единой России» (Удмуртия)

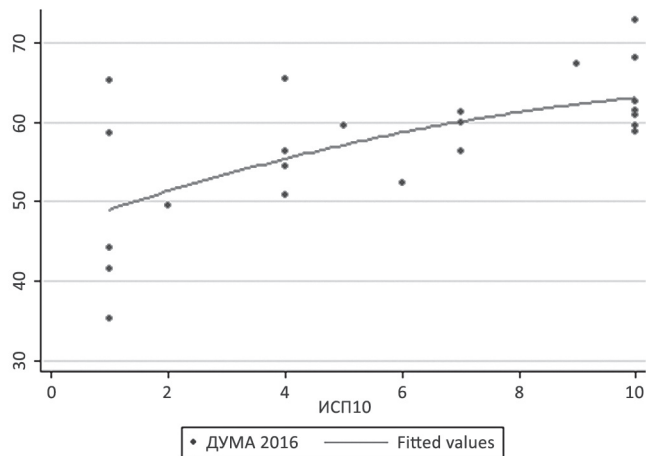

Рисунок 2 Влияние опыта работы в исполнительной власти на результаты голосования за список «Единой России» (Челябинская область)

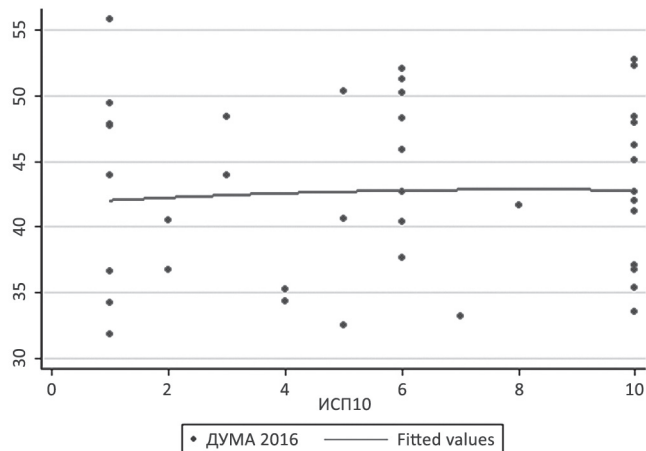
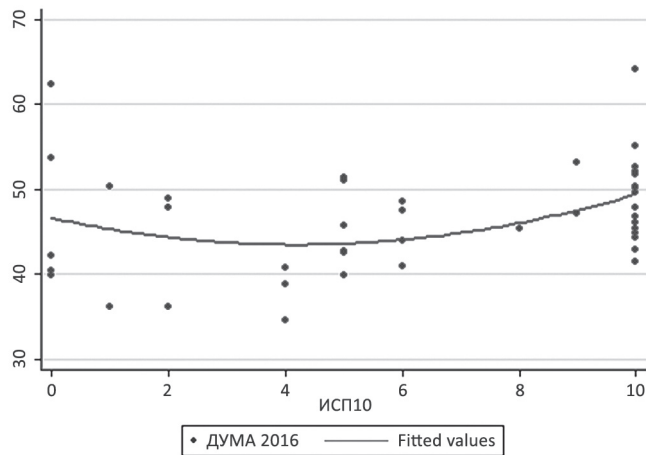

Рисунок 3 Влияние опыта работы в исполнительной власти на результаты голосования за список «Единой России» (Пермский край)

общим для трех регионов моментом является разве что высокий разброс результатов среди «новичков».

Положительно влияет на электоральные показатели «Единой России» и длительность пребывания муниципального руководителя на своем посту, то есть его опыт руководства муниципалитетом. Причем в некоторых моделях связь между этими переменными статистически значима. Вариации внутри регионов вновь хорошо объясняются только в случае Удмуртии, где опыт руководства муниципалитетом значимо определяет результат голосования за «партию власти» (см. рис. 4–6).

Рисунок 4 Влияние опыта руководства муниципалитетом на результаты голосования за список «Единой России» (Удмуртия)

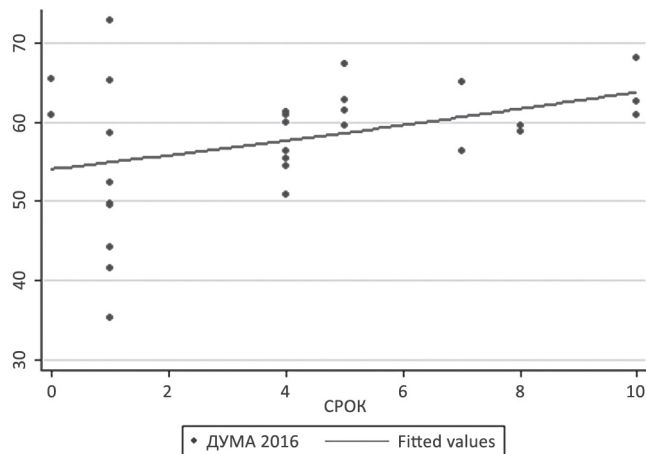

Рисунок 5 Влияние опыта руководства муниципалитетом на результаты голосования за список «Единой России» (Челябинская область)

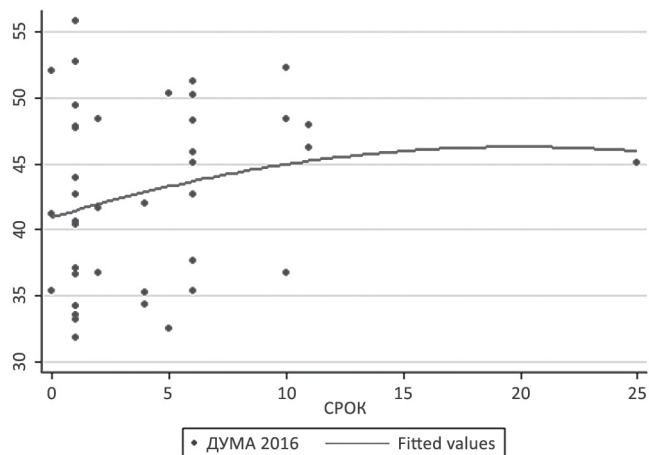
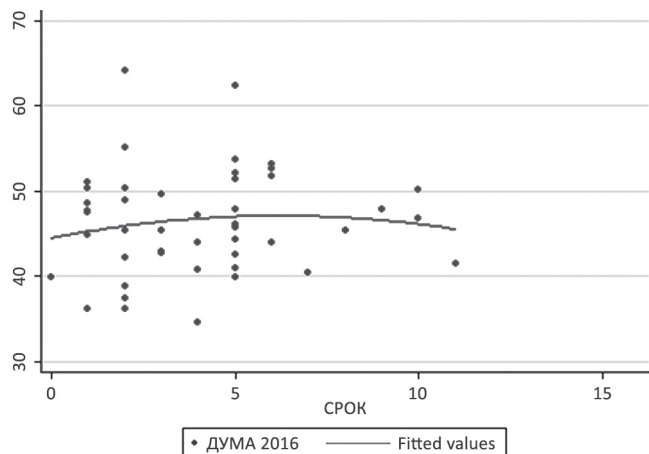

Рисунок 6 Влияние опыта руководства муниципалитетом на результаты голосования за список «Единой России» (Пермский край)

Вопреки ожиданиям, переменная ВЛАСТЬ10 оказалась отрицательно связана с голосованием за «партию власти». Чтобы прояснить этот парадокс, мы ввели дополнительную переменную ЗАК10, отражающую опыт пребывания исключительно в законодательной власти (см. модели 4 и 8 в *Приложении 1*). Выяснилось, что на эффективность «политической машины» негативно влияет законодательный опыт руководителя, тесно связанный с его парламентским происхождением (ПРОИСХОЖДЕНИЕ-2).

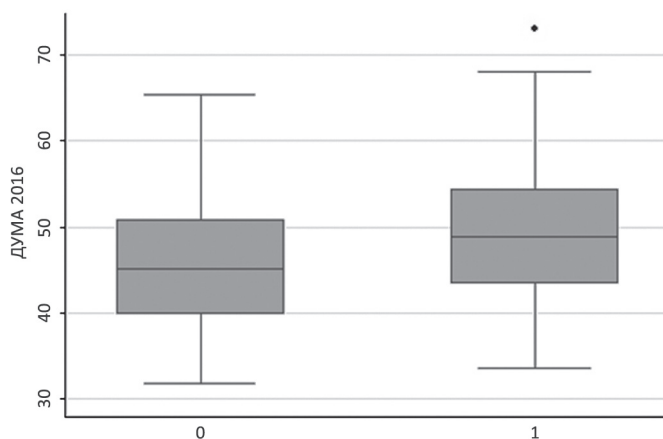
Примечательно, что граница проходит именно между выходцами из исполнительной власти и остальными, а не между выходцами из властных структур и «аутсайдерами». Об этом свидетельствуют результаты анализа, представленные в *Приложении 2*. В первой модели введена биномиальная переменная ИСП, которая приобретает значение 1 для выходцев из исполнительной власти и 0 для выходцев из законодательной власти и «аутсайдеров». Во второй модели, в свою очередь, введена биномиальная переменная ВНЕШ, где 1 присваивается тем, кто пришел на пост главы муниципалитета не из органов власти, а 0 — выходцам из исполнительной и законодательной власти. Как мы видим, значима лишь первая из этих переменных, но не вторая. Эффект происхождения (в рамках первой модели) отражен на *рис. 7*.

Теперь нам необходимо убедиться, что выявленная связь не является обратной. То есть мы должны проверить, не влияет ли электоральная сложность муниципалитетов на то, из какой среды будет рекрутирован их руководитель. Для этого мы вводим в качестве контрольной переменной результаты голосования на выборах 2011 г. Поскольку добавление этой переменной не сказывается на значимости зафиксированных эффектов (см. *Приложение 1*), предположение о наличии обратной связи может считаться опровергнутым.

Таким образом, мы обнаружили, что по крайней мере в рассмотренных нами регионах привлечение на роль муниципальных руководителей лиц не из исполнительной власти приводит к ухудшению электорального результата «Единой России», то есть подрывает силу «политических машин». Это заключение хорошо соотносится с выводами ряда исследователей о встроенности современных российских «политических

Рисунок 7 Процент голосов, поданных за список «Единой России», и происхождение муниципального руководителя³³

³³ 1 — из исполнительной власти, 0 — нет.

³⁴ Hale 2003;
Golosov 2013;
Reuter et al. 2016.

машин» в исполнительную власть³⁴. Навыки управления «политической машиной» прививаются внутри исполнительной власти, а не в среде «прорастающих снизу» неформальных связей. «Административный капитал», позволяющий обеспечить нужные «партии власти» электоральные результаты, не накапливается даже в законодательных органах, что, возможно, обусловлено второстепенным положением законодательных собраний в российских регионах, на которое обращают внимание такие исследователи, как Владимир Гельман, Григорий Голосов и Мария Сакаева³⁵.

³⁵ Гельман 1998;
Голосов 2006;
Сакаева 2012.

В завершение остановимся на эффектах контрольных переменных. Влияние численности населения соответствует ожиданиям: наличие устойчивая корреляция между большей численностью населения и худшими результатами «партии власти». Причем эта корреляция прослеживается и внутри каждого из рассмотренных регионов. Вместе с тем нельзя исключить, что она связана не столько с тем, что электоральный мониторинг проще проводить в небольших поселениях, о чем пишут Луис Фернандо Медина и Сьюзан Стоукс³⁶, сколько с социально-экономическими различиями между территориями разной населенности (например, между большими и малыми городами, а также между большими городами и сельскими районами).

³⁶ Medina, Stokes
2007.

³⁷ Hale 2003;
Goodnow, Moser,
Smith 2014; Bader,
Ham 2015.

Вслед за Хейлом, Реджиной Гудноу, Робертом Мозером, Тони Смитом, Максом Бадером и Каролин ван Хам мы выявляем отрицательную связь между долей русского населения и голосованием за «Единую Россию»³⁷. Примечательно, что эта переменная хорошо объясняет общую вариацию и несколько хуже — вариацию внутри регионов³⁸. Внутри регионов связь прослеживается в Удмуртии и Челябинской области, но не в Пермском крае.

³⁸ Поскольку при контроле региональной специфики переменная становится незначимой, она исключена из моделей 5—8 в Приложении 1.

Наконец, вопреки сформулированной выше гипотезе, положительно связанной с голосованием за «Единую Россию» оказывается не зависимость, а, напротив, независимость муниципального бюджета от поступлений извне. Эта связь прослеживается на всей выборке, но не внутри регионов, что может указывать на то, что она отражает экономические различия между регионами³⁹. В любом случае обнаруженная закономерность соответствует скорее теориям экономического голосования, нежели концепции «трагического блеска»⁴⁰, и подкрепляет позицию тех исследователей, которые полагают, что качество функционирования «политических машин» во многом определяется объемом их финансовой базы⁴¹.

³⁹ При контроле региональной специфики переменная не значима, поэтому она тоже исключена из моделей 5—8 в Приложении 1.

⁴⁰ Diaz-Cayeros,
Magaloni, Weingast
2003.

⁴¹ См., напр.
Sharafutdinova 2013.

Заключение

Принадлежность муниципального руководителя к исполнительной вертикали увеличивает эффективность «политической машины». Главы муниципалитетов, занимавшие ранее посты заместителей мэра, руководителей департаментов и других структурных подразделений администрации муниципального образования, обеспечивают «партии власти» значимо более высокие электоральные результаты, чем выходцы

из внешней среды, например представители бизнеса, или из законодательной власти (в том числе и бывшие председатели местных советов). При этом общий опыт работы в исполнительной власти имеет более скромное значение, чем тип карьерной траектории, хотя его влияние варьирует от региона к региону.

Функционирование локальных «политических машин» основано на перераспределении благ, оперативным доступом к которым в рамках муниципалитета располагает именно исполнительная власть. Исполнительная власть участвует в бюджетном процессе, распоряжается муниципальной собственностью и выстраивает отношения с региональными властными структурами, что также работает на увеличение ее «административного капитала». Тот факт, что общий опыт выходцев из исполнительной власти не играет большой роли, позволяет предположить, что локальные «политические машины» достаточно устойчивы и их мобилизация не требует от вновь пришедших руководителей каких-то особых качеств, подобно тому как хороший автомобиль прекрасно едет и под управлением водителя, имеющего лишь базовые навыки вождения (и ключ зажигания).

Проведенное исследование подтвердило, что «политические машины» более эффективны на территориях с меньшей численностью населения. Частично подтвердилась и теория «этнического» голосования, согласно которой наличие так называемой титульной нации облегчает контроль над голосованием. В то же время гипотеза о том, что бюджетная зависимость способствует «управляемому» голосованию, не нашла эмпирического подтверждения. Нужный «партии власти» результат голосования могут обеспечить скорее муниципалитеты, располагающие достаточным количеством финансовых ресурсов.

Важно отметить, что региональный контекст функционирования местного самоуправления остается по-прежнему значимым. Многие из обнаруженных нами закономерностей имеют явную региональную специфику и представлены в регионах по-разному. Региональное пространство сохраняет гетерогенность. Наряду с различиями в экономическом профиле, в том числе восходящими к советским временам, регионы демонстрируют и существенные различия в траекториях институционального развития в сфере муниципального управления.

Библиография

База данных показателей муниципальных образований. 2016 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm).

Выборы, референдумы и иные формы прямого волеизъявления. 2016 (<http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>).

Гельман В.Я. 1998. Региональная власть в современной России: институты, режимы и практики // *Полис.* № 1.

Гельман В.Я. 2003. Конец местной автономии // *Неприкосновенный запас.* № 4 (30).

Голосов Г.В. 2006. *Российская партийная система и региональная политика: 1993—2003.* — СПб.

Голосов Г.В. 2008. Электоральный авторитаризм в России // *Pro et Contra*. Т. 12. № 1.

Минаева Э.Ю. 2016. «Город versus район» в контексте вертикали власти: полицентричность локальной политики // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. № 1.

Сакаева М.М. 2012. Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов // *Экономическая социология*. Т. 13. № 3.

Скотт Дж. 2016. Коррупция, политические машины и политические изменения // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия*. — М.

Туровский Р.Ф. 2015. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // *Полис*. № 2.

Федеральный закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“ и Федеральный закон „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“» (<http://base.garant.ru/70662192/>).

Хейл Г. 2016. Факторы клиентелизма: политическая экономия, политизированная этничность и посткоммунистический транзит // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия*. — М.

Чирикова А.Е., Ледаев В.Г. 2015. Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти // *Мир России*. Т. 24. № 3.

Число муниципальных образований по субъектам Российской Федерации на 1 января 2015 года (<http://www.gks.ru/dbscripts/munst/>).

Щербак А.Н., Сенников Е.В., Лисовский Т.А. 2013. Экономическое голосование на выборах 2011—12 годов // *Вестник Пермского университета. Серия «Политология»*. № 4.

Эйзенштадт Ш., Ронигер Л. 2016. Патрон-клиентские отношения как модель структурирования социального обмена // *Патрон-клиентские отношения в истории и современности: Хрестоматия*. — М.

Auyero J. 2001. *Poor People's Politics: Peronist Survival Networks and the Legacy of Evita*. — Durham.

Bader M., Ham C. van. 2015. What Explains Regional Variation in Election Fraud? Evidence from Russia: a Research Note // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. № 6.

Buckley N., Garifullina G., Reuter O.J., Shubenkova A. 2014. Elections, Appointments, and Human Capital: The Case of Russian Mayors // *Demokratizatsiya*. Vol. 22. № 1.

- Diaz-Cayeros** A., Magaloni B., Weingast B.R. 2003. *Tragic Brilliance: Equilibrium Party Hegemony in Mexico* (<https://ssrn.com/abstract=1153510>).
- Frye** T., Reuter O.J., Szakonyi D. 2014. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. Vol. 66. № 2.
- Gervasoni** C.A. 2010. Rentier Theory of Subnational Regimes // *World Politics*. Vol. 62. № 2.
- Golosov** G.V. 2013. Machine Politics: the Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya*. T. 21. № 4.
- Golosov** G., Gushchina K., Kononenko P. 2016. Russia's Local Government in the Process of Authoritarian Regime Transformation: Incentives for the Survival of Local Democracy // *Local Government Studies*. Vol. 42. № 4.
- Goodnow** R., Moser R.G., Smith T. 2014. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia // *Electoral Studies*. Vol. 36.
- Hale** H.E. 2003. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. № 3.
- Hale** H.E. 2005. *Why not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. — Cambridge.
- Hicken** A. 2011. Clientelism // *Annual Review of Political Science*. Vol. 14.
- Hicken** A., Simmons J.W. 2008. The Personal Vote and the Efficacy of Education Spending // *American Journal of Political Science*. Vol. 52. № 1.
- Matsuzato** K. 2001. From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1900—2000 // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 17. № 4.
- Medina** L.F., Stokes S. 2007. Monopoly and Monitoring: an Approach to Political Clientelism // Kitschelt H., Wilkinson S. (eds.) *Patrons, Clients, and Policies*. — Cambridge.
- Nichter** S. 2008. Vote Buying or Turnout Buying? Machine Politics and the Secret Ballot // *American Political Science Review*. Vol. 102. № 1.
- Panov** P. 2010. Electoral Practices at the Sub-National Level in Contemporary Russia // Gel'man V., Ross C. (eds.) *The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia*. — Aldershot.
- Reuter** O.J. 2013. Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 2.
- Reuter** O.J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G. 2016. Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with Evidence from Russian Mayoral Elections // *Comparative Political Studies*. Vol. 49. № 5.
- Reuter** O.J., Robertson G.B. 2012. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // *The Journal of Politics*. Vol. 74. № 4.
- Roberson** B. 2008. Pork-Barrel Politics, Targetable Policies, and Fiscal Federalism // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 6. № 4.
- Sharafutdinova** G. 2013. Getting the «Dough» and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan // *Demokratizatsiya*. Vol. 21. № 4.

Stokes S. C. 2005. Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina // *American Political Science Review*. Vol. 99. № 3.

Stone C. 1996. Urban Political Machines: Taking Stock // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 29. № 3.

References

Auyero J. 2001. *Poor People's Politics: Peronist Survival Networks and the Legacy of Evita*. — Durham.

Bader M., Ham C. van. 2015. What Explains Regional Variation in Election Fraud? Evidence from Russia: a Research Note // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. № 6.

Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij. 2016 (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm).

Buckley N., Garifullina G., Reuter O.J., Shubenkova A. 2014. Elections, Appointments, and Human Capital: The Case of Russian Mayors // *Demokratizatsiya*. Vol. 22. № 1.

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. 2015. Vlast' v malyh rossijskih gorodah: modeli vzaimodejstviya ispolnitel'noj i predstavitel'noj vlasti // *Mir Rossii*. T. 24. № 3.

Chislo municipal'nyh obrazovanij po subjektam Rossijskoj Federacii na 1 janvarja 2015 goda (<http://www.gks.ru/dbscripts/munst/>).

Diaz-Cayeros A., Magaloni B., Weingast B.R. 2003. *Tragic Brilliance: Equilibrium Party Hegemony in Mexico* (<https://ssrn.com/abstract=1153510>).

Eisenstadt Sh., Roniger L. 2016. Patron-klientskie otnosheniya kak model' strukturirovaniya social'nogo obmena // *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti: Hrestomatija*. — M.

Federal'nyj zakon ot 27 maja 2014 g. № 136-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'ju 26.3 Federal'nogo zakona „Ob obshhix principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti subjektov Rossijskoj Federacii“ i Federal'nyj zakon „Ob obshhix principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii“» (<http://base.garant.ru/70662192/>).

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. 2014. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. Vol. 66. № 2.

Gel'man V. 1998. Regional'naja vlast' v sovremennoj Rossii: instituty, rezhimy i praktiki // *Polis*. № 1.

Gel'man V. 2003. Konec mestnoj avtonomii // *Neprikosnovennyj zapas*. № 4 (30).

Gervasoni C.A. 2010. Rentier Theory of Subnational Regimes // *World Politics*. Vol. 62. № 2.

Goloso G., Gushchina K., Kononenko P. 2016. Russia's Local Government in the Process of Authoritarian Regime Transformation: Incentives for the Survival of Local Democracy // *Local Government Studies*. Vol. 42. № 4.

- Golosov G.V.** 2006. *Rossijskaja partijnaja sistema i regional'naja politika: 1993—2003*. — SPb.
- Golosov G.V.** 2008. Elektoral'nyj avtoritarizm v Rossii // *Pro et Contra*. T. 12. № 1.
- Golosov G.V.** 2013. Machine Politics: the Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya*. T. 21. № 4.
- Goodnow R., Moser R.G., Smith T.** 2014. Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia // *Electoral Studies*. Vol. 36.
- Hale H.** 2016. Faktory klientelizma: politicheskaja ekonomija, politizirovannaja etnichnost' i postkommunisticheskij tranzit // *Patron-klientskie otnoshenija v istorii i sovremennosti: Hrestomatija*. — M.
- Hale H.E.** 2003. Explaining Machine Politics in Russia's Regions: Economy, Ethnicity, and Legacy // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. № 3.
- Hale H.E.** 2005. *Why not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. — Cambridge.
- Hicken A.** 2011. Clientelism // *Annual Review of Political Science*. Vol. 14.
- Hicken A., Simmons J.W.** 2008. The Personal Vote and the Efficacy of Education Spending // *American Journal of Political Science*. Vol. 52. № 1.
- Matsuzato K.** 2001. From Ethno-Bonapartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1900—2000 // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 17. № 4.
- Medina L.F., Stokes S.** 2007. Monopoly and Monitoring: an Approach to Political Clientelism // Kitschelt H., Wilkinson S. (eds.) *Patrons, Clients, and Policies*. — Cambridge.
- Minaeva E.** 2016. «Gorod versus raion» v kontekste vertikalni vlasti: policentrichnost' lokal'noj politiki // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija «Politologija»*. № 1.
- Nichter S.** 2008. Vote Buying or Turnout Buying? Machine Politics and the Secret Ballot // *American Political Science Review*. Vol. 102. № 1.
- Panov P.** 2010. Electoral Practices at the Sub-National Level in Contemporary Russia // Gel'man V., Ross C. (eds.) *The Politics of Sub-National Authoritarianism in Russia*. — Aldershot.
- Reuter O.J.** 2013. Regional Patrons and Hegemonic Party Electoral Performance in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 29. № 2.
- Reuter O.J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G.** 2016. Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with Evidence from Russian Mayoral Elections // *Comparative Political Studies*. Vol. 49. № 5.
- Reuter O.J., Robertson G.B.** 2012. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // *The Journal of Politics*. Vol. 74. № 4.
- Roberson B.** 2008. Pork-Barrel Politics, Targetable Policies, and Fiscal Federalism // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 6. № 4.

- Sakaeva M.M.** 2012. Parlament kak «okno vozmozhnostej»: issledovanie povedenija predprinimatelej s deputatskim mandatom v hode realizacii rynochnyh interesov // *Ekonomicheskaja sociologija*. T. 13. № 3.
- Scott J.** 2016. Corrupcija, politicheskie mashiny i politicheskie izmenenija // *Patron-klientskie otnoshenija v istorii i sovremennosti: Hrestomatija*. — M.
- Sharafutdinova G.** 2013. Getting the «Dough» and Saving the Machine: Lessons from Tatarstan // *Demokratizatsiya*. Vol. 21. № 4.
- Shcherbak A.N., Sennikov E.V., Lisovsky T.A.** 2013. Ekonomicheskoe golosovanie na vyborah 2011—12 godov // *Vestnik Permckogo universiteta. Serija «Politologija»*. № 4.
- Stokes S. C.** 2005. Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics with Evidence from Argentina // *American Political Science Review*. Vol. 99. № 3.
- Stone C.** 1996. Urban Political Machines: Taking Stock // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 29. № 3.
- Turovsky R.F.** 2015. Rossijskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoj vlasti v lovushke nedofinansirovanija i grazhdanskoj passivnosti // *Polis*. № 2.
- Vybory, referendumy i inye formy prjamogo voleizjavenija.** 2016 (<http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom>).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Влияние происхождения муниципального руководителя на результаты голосования за список «Единой России»

	1	2	3	4	5	6	7	8
	ДУМА2016	ДУМА2016	ДУМА2016	ДУМА2016	ДУМА2016	ДУМА2016	ДУМА2016	ДУМА2016
НАСЕЛЕНИЕ	-3,96*** (0,87)	-4,23*** (0,91)	-4,20*** (0,91)	-4,14*** (0,92)	-3,18*** (0,57)	-3,41*** (0,60)	-3,38*** (0,61)	-3,27*** (0,62)
НАЛОГИ	0,04** (0,02)	0,04** (0,02)	0,04** (0,02)	0,04** (0,02)				
РУС	-0,04*** (0,01)	-0,03*** (0,01)	-0,03*** (0,01)	-0,03*** (0,01)				
ПРОИСХОЖДЕНИЕ-1 (базовая)								
ПРОИСХОЖДЕНИЕ-2	-1,20** (0,51)	-1,25** (0,54)	-1,09* (0,61)	-0,67 (0,59)	-1,78*** (0,53)	-1,88*** (0,53)	-1,74*** (0,65)	-1,13 (0,86)
ПРОИСХОЖДЕНИЕ-3	-1,20** (0,50)	-1,42*** (0,48)	-1,19*** (0,46)	-1,37*** (0,49)	-1,00** (0,50)	-1,20*** (0,46)	-0,98** (0,47)	-1,13** (0,51)
СРОК	0,05 (0,05)				0,06 (0,05)			
ВЛАСТЬ10		-0,04 (0,09)				-0,04 (0,09)		
ИСП10			0,03 (0,07)				0,03 (0,07)	
ЗАКОН10				-0,13 (0,09)				-0,16 (0,13)
РЕГИОН: Удмуртия (базовый)								
РЕГИОН: Пермский край					-3,76*** (0,76)	-3,86*** (0,76)	-3,83*** (0,75)	-3,86*** (0,73)
РЕГИОН: Челябинская область					-4,17*** (0,77)	-4,34*** (0,79)	-4,31*** (0,77)	-4,43*** (0,77)
Constant cut1	-21,75*** (3,87)	-23,23*** (4,23)	-22,48*** (4,19)	-22,64*** (4,16)	-20,27*** (2,94)	-22,17*** (3,07)	-21,43*** (3,14)	-21,38*** (3,08)
Constant cut2	-18,66*** (3,66)	-20,07*** (3,98)	-19,33*** (3,95)	-19,48*** (3,91)	-17,01*** (2,81)	-18,83*** (2,91)	-18,09*** (3,00)	-18,02*** (2,92)
Constant cut3	-16,55*** (3,55)	-17,85*** (3,88)	-17,11*** (3,85)	-17,22*** (3,79)	-14,19*** (2,62)	-15,86*** (2,76)	-15,12*** (2,84)	-14,98*** (2,77)
Наблюдений	111	105	105	105	118	112	112	112

*** p<0,01; ** p<0,05; * p<0,1

В скобках приведены стандартные ошибки

Приложение 2

Принадлежность к исполнительной власти vs. статус «инсайдера»

	<i>Модель 1</i>	<i>Модель 2</i>
	ДУМА2016	ДУМА2016
НАСЕЛЕНИЕ	-3,42*** (0,58)	-3,51*** (0,55)
ИСП	1,30*** (0,43)	
ВНЕШ		-0,37 (0,43)
РЕГИОН: Пермский край	-3,58*** (0,71)	-3,17*** (0,59)
РЕГИОН: Челябинская область	-3,91*** (0,73)	-3,61*** (0,64)
Constant cut1	-20,10*** (2,79)	-20,80*** (2,73)
Constant cut2	-16,87*** (2,66)	-17,75*** (2,60)
Constant cut3	-14,16*** (2,51)	-15,23*** (2,48)
Число наблюдений	118	118

*** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$

В скобках приведены стандартные ошибки